

Максим Горький

Скуки ради



Максим Горький

Скуки ради

«Public Domain»

1897

Горький М.

Скуки ради / М. Горький — «Public Domain», 1897

«Ежедневно в двенадцать дня и в четыре пополудни к станции приходят из степи поезда и стоят по две минуты. Эти четыре минуты – главное и единственное развлечение станции: они приносят с собой впечатления её служащим...».

Максим Горький

Скуки ради

...Извергая клубы тяжёлого, серого дыма, пассажирский поезд, как огромное пресмыкающееся, исчезал в степной дали, в жёлтом море хлебов. Вместе с дымом поезда в знойном воздухе таял сердитый шум, нарушавший в продолжение нескольких минут равнодушное молчание широкой и пустынной равнины, среди которой маленькая железнодорожная станция возбуждала своим одиночеством чувство грусти.

И, когда глухой, но жизненный шум поезда рассеялся, замер под ясным куполом безоблачного неба, – вокруг станции снова воцарилась угнетающая тишина.

Степь была золотисто-жёлтая, небо – ярко-голубое. И та и другое необъятно велики; коричневые постройки станции, брошенной среди них, производили впечатление случайного мазка, портившего центр меланхолической картины, трудолюбиво написанной художником, лишённым фантазии.

Ежедневно в двенадцать дня и в четыре пополудни к станции приходят из степи поезда и стоят по две минуты. Эти четыре минуты – главное и единственное развлечение станции: они приносят с собой впечатления её служащим.

В каждом поезде толпа разнообразных людей, разнообразно одетых. Они являются на миг; в окнах вагонов мелькнут их утомлённые, нетерпеливые, равнодушные лица – звонок, свистки – и с грохотом они уносятся по степи, вдаль, в города, где кипит шумная жизнь.

Служащим станции любопытно видеть эти лица, и, проводив поезд, они делятся друг с другом наблюдениями, схваченными на лету. Вокруг них лежит молчаливая степь, над ними – равнодушное небо, а в их сердцах – смутная зависть к людям, которые ежедневно куда-то стремятся мимо них, тогда как они остаются, заключённые в пустыне, живя как бы вне жизни.

И вот, проводив поезд, они стоят на перроне станции, провожая глазами чёрную ленту, – она исчезает в золотом море хлеба, – и молчат под впечатлением жизни, пролетевшей мимо них.

Они почти все тут: начальник станции – добродушный, полный блондин с большими казацкими усами; его помощник – рыжеватый молодой человек с острой бородкой; станционный сторож Лука – маленький, юркий и хитрый, и один из стрелочников – Гомозов, плотный, широкобородый, молчаливый мужик.

На скамье у двери станции сидит жена начальника, маленькая, толстая женщина, сильно страдающая от жары. На коленях у неё спит ребёнок, лицо у него такое же пухлое и красное, как у матери.

Поезд скрывается под уклоном, кажется, что он зарылся в землю.

Тогда начальник станции говорит, обращаясь к жене:

– А что, Соня, самовар готов?

– Конечно, – лениво и тихо отвечает она.

– Лука! Ты тут, того... подмети полотно и перрон... видишь – сколько нашвыряли всякой всячины...

– Я знаю, Матвей Егорович...

– Да... ну, что же? Будем чай пить, Николай Петрович?

– По обыкновению, – говорит помощник.

А после провода дневного поезда Матвей Егорович спрашивал жену:

– А что, Соня, обед готов?

Потом он отдаёт приказание Луке, всегда одно и то же; приглашает помощника, который столуется у них:

– Ну, что же? Будем обедать?

А помощник резонно отвечает ему:

– Как всегда...

Уходят с перрона в комнату, где много цветов и мало мебели, где пахнет кухней и пелёнками, и там, вокруг стола, разговаривают о том, что промелькнуло мимо них.

– Заметили, Николай Петрович, во втором классе брюнеточку в жёлтом? Ядовитая штука!..

– Недурна, но одета безвкусно, – отвечает помощник.

Он всегда говорит кратко и уверенно, считая себя человеком, знающим жизнь и образованным. Он кончил гимназию. У него есть тетрадка в чёрном коленкоре; он записывает в неё разные изречения знаменитостей, вылавливая их из фельетонов газет и книг, случайно попадающих в его руки. Начальник бесспорно признаёт его авторитет во всём, что не касается службы, и слушает его внимательно. Особенно ему нравятся премудрости из тетрадки Николая Петровича, и он всегда простодушно восхищается ими. Замечание помощника о костюме брюнетки вызывает у Матвея Егоровича вопрос:

– Разве жёлтое не к лицу брюнеткам?

– Я говорю о фасоне, а не о цвете, – объясняет Николай Петрович, аккуратно накладывая варенье из стеклянной вазы себе на блюдечко.

– Фасон – это другое дело!.. – соглашается начальник.

В разговор вступает его жена, потому что эта тема близка и понятна ей. Но так как умы этих людей мало изощрены – беседа тянется медленно и редко волнует их чувства.

А в окно смотрит степь, очарованная молчанием, и небо, важное в своём великолепном спокойствии.

Почти каждый час являются товарные поезда; но прислуга, сопровождающая их, давно знакома. Все эти кондуктора – люди полусонные, подавленные скучной ездой по степи. Впрочем, иногда они рассказывают о происшествиях на линии: на такой-то версте раздавили человека; или говорят о новостях по службе: тот оштрафован, этот переведён. Эти новости не обсуждаются – их пожирают, как лакомки пожирают вкусное и редкое блюдо.

Солнце медленно сползает с неба на край степи, и когда оно почти коснётся земли, то становится багровым. На степь ложится красноватое освещение, возбуждающее тоскливое чувство, смутное влечение вдаль, вон из этой пустоты. Потом солнце прикасается краем к земле и лениво уходит в неё или за неё. В небе ещё долго после него тихо играет музыка ярких цветов вечерней зари, но она всё бледнеет, и наступают сумерки, тёплые и молчаливые.

Вспыхивают звёзды и трепещут, точно испуганные скукой на земле.

В сумерках степь суживается; на станцию со всех сторон бесшумно ползёт тьма ночи. И вот приходит ночь, чёрная, угрюмая.

На станции зажигают огни; ярче и выше всех зеленоватый огонь семафора. Вокруг него тьма и молчание.

Порой раздаётся звонок – повестка к поезду; торопливый звук колокола несётся в степь и быстро тонет в ней.

Вскоре после звонка из тёмной дали выбегает красный сверкающий огонь, и тишина в степи содрогается от глухого грохота поезда, идущего к одинокой станции, окружённой тьмой.

Низший слой маленького общества на станции живёт несколько иначе, чем аристократия.

Сторож Лука вечно борется с желанием сбегать к жене и брату в деревню за семь вёрст от станции. Там у него хозяйство, как он говорит Гомозову, когда просит этого молчаливого и степенного стрелочника «подежурить» на станции.

При слове «хозяйство» Гомозов всегда тяжело вздыхает и говорит Луке:

– Что ж, поди. Хозяйство требует присмотра, это верно...

А другой стрелочник, Афанасий Ягодка, старый солдат с круглым, красным лицом в седой щетине, человек насмешливый и злобный, не верит Луке.

– Хозяйство! – восклицает он, усмехаясь. – Жена!.. Понимаю я, что оно такое...

Жена-то у тебя вдова, что ли? Али солдатка?

– Ах ты птичий губернатор! – презрительно откликается Лука.

Он зовет Ягодку птичьим губернатором за то, что старый солдат страстно любит птиц.

Вся будка у него, и внутри и снаружи, увешана клетками и садками; в ней, как и вокруг неё, целый день, не смолкая, раздаётся птичий гам. Пленённые солдатом перепела неустанно кричат своё однообразное «подь-полоть», скворцы бормочут длинные речи, разноцветные маленькие птички неустанно щебечут, свистят и поют, услаждая одинокую жизнь солдата. Он возится с ними всё своё свободное время и, относясь к ним ласково и заботливо, не обнаруживает никакого интереса к товарищам. Луку он зовёт ужом, Гомозова – кацапом и, не стесняясь, говорит им в глаза, что оба они «бабы прихвостни» и что следует за это бить их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.